

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.....	5
Глава вторая.....	41
Глава третья.....	75
Глава четвертая	110
Глава пятая	141
Глава шестая	176
Глава седьмая	212
Глава восьмая	244
Эпилог.....	278
От автора.....	283

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Она хватает меня за ноги. Мокрые от пота пальцы стискивают лодыжки — и я кричу. Сначала сбивчиво и рвано, точно примеряясь к чуждому звуку. Крик сидит глубоко в горле, задыхается. Ему мало места — тесно в детском теле. Но стоит пальцам добраться до голени, как крик вспучивается, разрывая глотку, разворачивается в протяжное «а-а-а».

Я кричу, срываясь на визг. Под кроватью темно, но снаружи, даже с раздернутыми шторами, еще темнее. Мама тянет меня, тащит упорно, но как-то неторопливо: боится, что я ударюсь головой или расцарапаю лицо. Мама бережет силы: знает, что главная битва еще впереди. А я бьюсь что есть мочи, цепляюсь за обшарпанные доски пола, хватаюсь за ножку кровати.

Крик мечется вместе со мной, выбивается из-под упавшего одеяла. А мама молчит, и есть в этом что-то... Мама молчит нарочито. Я тяну пыльный воздух, соплю. Силы подходят к концу, и я чувствую — нет, уже вижу — ослепительный

Мама придет наутро

утренний свет, который подбирается ко мне все ближе. Платье задирается, и я принимаюсь бить ногами об пол, часто-часто дергаю одеревеневшими конечностями. Но мамины руки одолевают меня. Они сильнее. Они огромны. Они добираются до самых коленей.

Мой крик спутывается с одеялом, глохнет, а мама все молчит и молчит, не разжимая пальцев.

«Странно», — думается мне.

И утро, и дом, и мама — все до боли странно.

Я обмякаю и тут же оказываюсь вырвана из своего убежища. Одеяло укрывает мое лицо, но я отчетливо вижу окна и сад, сестер и прутья — я предчувствую их. Мама не дышит — хрипит. Ее тело, свалившееся на меня, кажется грузным и неподъемным. Я с трудом поворачиваюсь под его тяжестью, отбрасываю одеяло и вижу его — чудовище. Насмерть перепуганная открытием, я смотрю на него во все глаза, не моргая. Чудовище улыбается мне сквозь блики наступающего солнца, сильнее стискивает кожу, и мои ноги трещат. И пол трещит, и солнце, только взошедшее. Он поймал меня.

Он вновь меня настиг.

2

«Руки за голову!» — разрезает воздух.

И я невольно расслабляю пальцы, теряю хватку, но лишь для того, чтобы сильнее прежнего

сжать крошечное тельце. Младенец на груди тяжелеет, наливается обжигающим теплом. Его голова, большая и продолговатая, лежит, обернутая в полотенце. Белые ракушки-уши выглядывают из-под волн ткани, топорщатся.

«Руки!» — повисает в паре метров от нас.

Я морщусь. Воображение уже рисует картину того, как маленькая голова бьется об пол. Бум! — как костяшками пальцев об стол. Или нет. Хлюп! — переспелый арбуз трескается, столкнувшись с сухим асфальтом — пш-ш-ш! — и разлетается. Или пых! — голова касается ковра со странным полым хлопком, как будто коробку уронили.

«На пол!» — теперь требование звучит иначе, мимикрируя под меня, вцепившуюся в ребенка.

Горничная и отец семейства уже на полу: ждут, когда я соизволю присоединиться. Их губы беззвучно шевелятся, мутят воздух. Младенец в моих руках раздается протяжным плачем. Его уши наливаются краской, щеки — тоже. Я поднимаю глаза, но не вижу ничего, кроме распахнутой настежь двери. Десять шагов? Девять? А если одним рывком — хватит секунды? Ветер гуляет в проходе, и дверь скрипит, жалобно так, робко.

«На пол! — Черные ботинки ступают на ковер, угрожающе приближаются ко мне. — Быстро!»

Я медленно опускаюсь на колени, чтобы дать понять, что бежать не намерена. Прижимаю младенца к себе, будто силюсь загородиться им, и на секунду ловлю дежавю.

Как будто я уже была здесь.

Мама придет наутро

Была в другой гостинной и в другое время года, но была ведь. Стояла весна, и какой-то псих, притворившись курьером, вломился в дом и стал размахивать садовыми ножницами. Его выволокли за ворота и бросили прямоком в клубящуюся дорожную пыль, тем и закончилось. Теперь же незваных гостей было трое. Они никем не представились, вошли в дом спокойно и бесшумно, вытеснили хозяев в гостиную. Горничная только и успела, что прикоснуться к телефону, ойкнуть и тотчас отскочить в сторону. Потом она наверняка скажет: «У меня есть дети, если вы не помните!» Они все так говорят, когда надо оправдаться. «У меня двое малолетних детей, дорогуша!» Все эти люди так говорят.

Я неторопливо кладу младенца на пол и сама опускаюсь рядом, заложив руки за голову, утыкаюсь лицом в махровый ковер. Паника накатывает вместе с затхлым запахом. Черные ботинки шагают мимо, оставляя после себя серые грязевые отпечатки. Черные ботинки идут в глубь комнаты, заворачивают за диван. Черные ботинки трижды хрустят над моим ухом, прежде чем отшагнуть к телевизору. Я отползаю следом, сдвигаюсь всего на пару сантиметров и утыкаюсь плечом в горячее тело ребенка, мнусь пару секунд.

Хозяин — мой бывший хозяин с той минуты — с недоумением наблюдает за моей возней, старательно пучит глаза. Он точно говорит: «Не смей! Дай им забрать то, что они ищут. Тогда они уйдут. Тогда все мы будем целы». Но я уже

держу телефон у головы. По-детски наивно прикрываю его ладонью, прячу от посторонних глаз. Черные ботинки останавливаются, пропадают из виду, и я нажимаю тревожную кнопку. Младенец вторит нашему страху: затихает на добрую долю секунды. Сердце тоже замолкает. И в комнате разом становится так бесшумно, так гулко, что слышно, как за стеной дома в блаженном неведении запускается автополив.

Вода с шипением обрушивается на землю, барабанит по каменной дорожке.

Горничная вздрагивает, нелепо вскинув кудрявую голову, пользуется моментом, чтобы рвануть к двери. Раздается глубокий, в самую глотку, выстрел.

«Вот же ж», — только и успеваю подумать я.

3

— Курсы — это да, помню. Как уж тут забудешь! — произносит она, не отрывая глаз от экрана компьютера. Брови приподняты, палец прилип к мышке. — Но медицинского образования у тебя нет, верно?

Я молчу.

— У тебя и обычного образования... — Она поджимает губы, подкрепляя тем самым тяжесть моего положения. — Девять классов. Пошла бы ты поучилась, что ли...

Я по-прежнему молчу, терпеливо гляжу поперед себя: то на окно в облупившейся раме, то

Мама придет наутро

на мелкие морщинки синей рубашки, на которой ярким пятном дрожит бейдж «Инна». Никак не могу запомнить. Инна-Инна-Инна... Я меняю работу уже в шестой раз, а вечная Инна так и сидит в центре занятости во вкладке «Наставничество. Карьерные консультации».

— Доучись. Тогда и искать работу будет проще, нет? Не думаешь?

— Что там по вакансиям? — тихо напоминаю я.

— Я говорю, тебе бы поучиться сначала. Хочешь полы до конца жизни драить?! Мы тебе это запросто устроим, — говорит она беззлобно, скорее желчно. — С таким подходом хорошей работы не жди...

Я слушаю вполуха, тереблю платье. Красные застиранные цветочки прыгают на коленях, болтаются у впалого живота, собираются в складки под грудью. Не тюльпаны и не розы — безродные бутоны, выпустившие ровно по пять лепестков.

— Ну вот, смотри! — Инна чуть поворачивает ко мне монитор.

Я, сама того не ожидая, резко вскакиваю на ноги, придвигаю к ней стул.

— Не бойсь, не убежит, — бурчит Инна, с довольным видом откидываясь на спинку кресла. — Ну как тебе?

С минуту я ничего не вижу, бессмысленно липну к экрану.

— Люди приличные. Сама их знаю, поэтому абы кому не предлагаю. Ты, Ксан, девушка хорошая, если не вредничаешь...

Наконец зрение возвращается, и я проваливаюсь в буквы.

— Опять няня?! — Не столько удивительно, сколько обидно.

Опыт работы — от двух лет, возраст — до тридцати пяти. Активная. Общительная. Знание английского приветствуется.

— Не нравится?! — недоумевает Инна. — И давно ты из няnek выписалась, не подскажешь? Еще вчера с детьми рвалась работать. Или забыла?

«Вчера» было полгода назад. Меня только-только выставили за дверь из-за «некомпетентности и отсутствия профессиональной выдержки», конец цитаты. Тогдашняя хозяйка, мать двоих погодок, рассчитала меня сразу, как нашла женское белье в дипломате своего мужа. Церемониться не стала — было бы с кем? — впихнула мне в руку чужие трусы и пожелала всего наихудшего. Впрочем, я не сильно расстроилась. Ее дети изрядно мне надоели. Младшая постоянно норовила засунуть что-то в нос; старший пускал сопли и не хотел умываться. Потому-то я испытала облегчение, когда мои вещи покинули пределы стометровой квартиры и отправились в свободное плавание в поисках нового, более дружественного порта.

Новую семью Инна нашла быстро, через знакомых. Посуточная занятость, деньги в конверте, двухэтажный загородный дом с видом на реку. Я согласилась на вторые сутки раздумий: из еды в холодильнике осталось молоко и кусок хлеба, из чистящих средств в ванной — мыло.

Мама придет наутро

«Хорошие люди», — сказала Инна. Это означало: золото на руках имеется. И на шее тоже. Были еще «порядочные люди» — бедноватые, но невзыскательные. Следить не будут, в карманы не полезут. И, наконец, «приличные люди», особая порода. У этих из требований — чтобы все было «прилично». Приличная девушка с приличным лицом и приличным воспитанием. Заплатят тоже прилично, надо только держать себя соответственно.

Последние мои хозяева были просто «хорошими людьми», без причуд. Трое детей, лестница с балясинами, отец — владелец фирмы, занимающейся кровельными работами, стена, выложенная природным камнем, мать — бодрствующая алкоголичка, а еще горничная с десятком перстней на полных белых пальцах. Последние пришлось отнять вместе с перстнями. Один из вооруженных незнакомцев, которые ворвались в дом субботним утром, так долго возился с трупом, что успела подъехать полиция. Тогда он схватился за кухонный нож и таки забрал свое, но под окнами его уже ждали, радость обретения продлилась недолго.

Меня, связанную поясом от халата, позабытую в этой домашней бойне, освободили последней. «А вы, собственно, кем будете?» — спросил младший сержант полиции, сурово выпятив нижнюю губу. Уж очень подозрительно я, женщина без документов, выглядела в домашнем платье среди чужого семейства. «Подруга жены, — решительно соврал хозяин дома, пока

я укачивала младенца. — Гостит здесь, пока жена в отъезде. Помогает с ребенком». Полицейский хмыкнул, вновь осматривая меня, хотел было обшутить ту бытовую драму, что разом ему представилась, но труп горничной испустил грудной вздох.

— Нет! — говорю я. — Ищи другое! Никаких больше нянь.

— Какая ты стала... — раздраженно отвечает Инна и вновь придвигается к столу. От тяжелого «ты» тугая рубашка натягивается на животе, разглаживается. — Думаешь, много мест хороших?! Везде уборщицы и посудомойки нужны. Подойдет?

Инна открывает одну из вакансий. Все как по книжке: нужна посудомойка в местный грузинский ресторан. График сменный, оплата не указана.

— Или официанткой? Пойдешь, а? Десять тысяч в месяц.

Я сцепляю зубы.

— Не хочешь?! Ты выбирай, не брезгуй. Работы в городе мало.

Уборщицы, горничные, официантки, няни — вечная пищевая цепочка неквалифицированных кадров. В финале особь, находящаяся на вершине, пожирает саму себя. Это конец эволюции, высшая точка смерти.

— Смотри еще! — настаиваю я. — Наверняка еще вакансии есть.

Инна сердито утыкается в экран, но мышка омертвело лежит на столе. Слова застревают

Мама придет наутро

в горле, и Инна немо шевелит губами. Ругается. Да, она определенно проклиняет меня.

— Посмотри!

Впрочем, черт с ней...

— Ну посмотри!

Инна нехотя залезает в фильтр, что-то мудрит с настройками.

— Нет, говорю... Нет... — повторяет она привычно. — Нужна администраторша в «Дубки». Можно без опыта.

Я мотаю головой.

— Бариста в «Кофепит». Хлебное место, к слову... А в «Тайфун»? Пойдешь?

— Кем?

— Продавщицей.

Я качаю головой, а после — снова и снова. Хочу для убедительности закатить глаза, но боюсь переборщить с драматизмом. Инна обязана видеть, как мне плохо, но ни в коем случае не должна это почувствовать — правило хорошего тона.

— Вахтерша в библиотеку нужна. Работать два через два. И уборщица в бар «Утопия»...

«В этом городе я не найду подходящей работы», — мысль бежит по кругу, точит силы, кусает уверенность. Корень — та еще дыра, если подумать. Любимая дыра. Такая, в которую хочется забраться, да поглубже, с головой, так, чтобы не увидели, не обоняли даже. Дыра, в которую никогда не заглянул бы бог, но и смертоносное ненастье этой земли не достигло бы. Я говорю «любимая дыра», не оговариваясь

и не кокетничая. Не позы ради говорю. Как-никак, я прожила в Корне почти десять лет и жаловалась на него только по праздникам, когда полагается думать о будущем. А будущего-то здесь... нет?

Шесть тысяч человек населения, из которых две трети — пенсионеры; школа в здании пополам с администрацией, больница вот уже два года без крыльца. Старый автовокзал, который затапливает каждую осень. А еще колледж, в котором я числилась почти до самого выпуска. Он находится в административном центре области, в двух часах езды на старой электричке. В самом Корне учеба завершается последним школьным звонком. И моя должна была оборваться тогда же: с трудом оконченные девять классов, пять троек в аттестате и списанные экзамены. Но...

— Ищи сезонную, — не оставляю последнюю надежду я.

Инна ничего не отвечает. В глазах ее читается «ну и зачем?» или что поглубже.

— На месяц. Или два. Можно на все лето. Да, лучше на лето. Потом уеду отсюда, не буду тебя больше доставать.

Инна прерывает поиски, с видом сосредоточенным и решительным гасит экран компьютера, словно боится, что он подслушает нас.

— И куда ты поедешь? — Не смеется, а именно что спрашивает. Вкрадчиво так, по-матерински. Я теряюсь.

— Пока не решила. Думаю еще.

Мама придет наутро

А думаю я над тем, чтобы перебраться в глушь еще бо́льшую или податься в столицу. Не могу понять, где будет проще затеряться: там, где разыскивать не станут, или там, где есть с кем смешаться?

— У меня есть предложение для тебя: работа на лето, но не здесь, не в Корне. — Инна принимается перебирать страницы записной книжки, шуршит ими, пока не находит нужную.

— Куда ехать нужно?

— Бженск.

— Не слышала. Бженск? Это где?

— Это к югу от нас, на берегу моря. Город маленький, но, говорят, чистенький. Зимой там делать нечего, а вот в сезон...

— Делать что?

— Ищут младшую медсестру в санаторий. Судна выносить, комнаты драить, с процедурами помогать — как раз по твоей части.

— А местных? Не хватает уже? — Я тянусь к блокноту, чтобы глянуть в записи, но Инна предупредительно шикает на меня. — Злачное местечко, да? Скажи честно. Меня сюрпризы пугают.

— Приедешь — узнаешь.

— А если не юлить? — Я привыкла говорить открыто и прямо. Вот и сейчас пытаюсь докопаться до неприятной истины прежде, чем она сама прогрызет путь на поверхность.

— Знакомый там работает. Персонала не первый год не хватает. Сказал, нужна девочка. Скромная, порядочная, чтобы не воровала и не выпивала. И не капризная. Мы же не капризные?

Инна знает, что таким, как я, в чьих головах еще свежи воспоминания о детском доме, быть капризными дорогого стоит. Раньше она говорила: «Забудешь — тогда и капризничай». Все равно что: «Разучишься бояться — станешь бессмертной». Трястись всегда найдется за что. Да и бессмертия не существует.

— Ты же не капризная, Ксана? — Инна ловит мою задумчивость. Ловит, чтобы изжить ее со свету. — Ты не капризная, я знаю. Сейчас споришь, это ничего — как тут не поспорить?! Такой стресс! Я понимаю, свои всегда тебя поймут, а вот другие... С ними препираться не стоит.

Инна думает, что мы с ней из одного теста, раз вышли из одного детского дома. Своих родных Инна никогда не видела: те отказались от нее при рождении. Новая семья, которую Инна обрела очень уж поздно, в двенадцать лет, отказалась от нее через год. Не помогла ни школа родителей, ни занятия с семейным психологом: Инна, привыкшая быть со внешним миром на кулаках, упорно не влезала в новую жизнь, колотила братьев, мучила сестер.

Моя судьба была совсем иной. Моя семья, по-прежнему единственная, от меня не отворачивалась.

— Так что? Что скажешь?

— Я не капризная, — с опаской соглашаюсь я.

— Ну вот и хорошо! Очень хорошо! Подумай еще пару дней. Решишься — тогда звони. Скажу, что девочка нашлась, что с опытом и с детьми работать умеет, — тоже лишним не будет.

Мама придет наутро

— С детьми? — Напряжение жжется в висках, скребет кожу на лбу.

С детьми. И ведь все правильно слышу. Судьба вновь смеется надо мной, подбрасывает шанс за шансом, чтобы посмотреть, как я в бездействии скрещиваю руки. Возьму ли подачку? Или вновь струшу?

— В этот санаторий семьями приезжают. Теперь откажешься ехать, да? И дурой будешь.

А если не струшу? Что тогда?

— Место хорошее. Ты не торопись отказываться, — принимается уговаривать меня Инна, а я и не противлюсь. — Надо будет договориться о лучших условиях для тебя — так я договорюсь!

— Я подумаю, — говорю я, сдергивая ремешок сумки со стула, торопливо поднимаюсь и иду к выходу. — Подумаю обязательно.

— Конечно! — Инна прощается со мной стоя. — На связи.

Я толкаю дверь, но та не поддается.

— На связи. — Я нервно улыбаюсь, почти хихикаю от неловкости. — Пока!

Ручка заедает, и я нелепо мнусь на одном месте без возможности скрыться от чужих глаз. Судьба застает меня врасплох, издевается.

4

Зуб у Таси должен выпасть этим утром. Мы просыпаемся пораньше, как будто случайно.